

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО КУЛИКА ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 34515/04)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 февраля 2017

Это решение является окончательным, но может быть отредактировано.

По делу Кулика против Украины,

Европейский Суд по Правам Человека (Пятая Секция), заседая Комитетом в составе:

Faris Vehabović, *Председатель,*

Ganna Yudkivska,

Carlo Ranzoni, *судьи,*

а также Anne-Marie Dougin, *исполняющая обязанности заместителя секретаря секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 10 января 2017 г.,

провозглашает следующее решение, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 34515/04) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Украины, г-ном Сергеем Анатольевичем Куликом (далее – «заявитель»), 14 сентября 2004 г.

2. Заявителя, которому была оказана юридическая помощь, представляла, в последнее время, г-жа Е. Ащенко, адвокат, практикующий в Харькове. Правительство Украины (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный, в последнее время г-н И. Лищина, из Министерства Юстиции.

3. Заявитель жаловался, в частности, что условия его содержания под стражей (в том числе в дни судебных заседаний) и условия его транспортировки в суды и из них были ненадлежащими, что он подвергался жестокому обращению со стороны государственных служащих, что его досудебное содержание под стражей было незаконным, и что его право на защиту было нарушено.

4. 24 февраля 2012 г. Правительство было уведомлено об этом заявлении. 26 сентября 2013 г. Суд призвал Правительство представить дальнейшие замечания о приемлемости и по существу данного заявления.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1968 г. и в данное время отбывает пожизненное заключение в тюрьме № 31 в Черниговской области.

A. Уголовное производство в отношении заявителя

6. 24 января 2003 г. В. и Х. были найдены мёртвыми в их квартире.

7. 25 января 2003 г. полиция начала расследование убийства.

8. 30 января 2003 г. Киевская прокуратура (далее – «Прокуратура») возбудила уголовное дело в отношении заявителя и объявила его в розыск за убийство В. и Х.; в тот же день заявителю было заочно предъявлено обвинение в двойном убийстве.

9. По словам заявителя, вечером 30 января 2003 г. он был задержан полицией в Харькове и его поместили под стражу в полицейском участке Ленинского района. Полиция жестоко с ним обращалась с целью заставить его признаться в двойном убийстве. Офицер полиции, К., и другой необозначенный офицер полиции душили его и угрожали убить его и членов его семьи. Они также пообещали, что если заявитель признается, они убедят суд первой инстанции в том, что заявитель безумен и не может нести ответственность за убийства. Заявитель, в отсутствие адвоката, согласился сознаться и написал «явку с повинной», под диктовку офицера полиции К. Признание датировалось 1 февраля 2003 г. и в нём указывалось, что права заявителя в соответствии со статьёй 63 Конституции были ему объяснены. 31 января 2003 г. заявителя перевели в полицейский участок Деснянского района в Киеве.

10. По версии Правительства, заявитель был задержан вечером 31 января 2003 г. в Харькове и содержался в полицейском участке Ленинского района до 1 февраля 2003 г., когда его перевели в Киев. Он не подвергался жестокому обращению и его не допрашивали в Харькове, и он не давал показаний.

11. 31 января 2003 г. прокурор потребовал, чтобы Деснянский Районный Суд Киева (далее «Районный Суд») утвердил задержание заявителя и транспортировку его силой в суд для принятия решения о применении к нему меры пресечения. В тот же день Районный Суд удовлетворил требование прокурора.

12. 1 февраля 2003 г., будучи доставленным в прокуратуру, заявитель подписал протокол о том, что его права на защиту были ему объяснены и указал в письменном виде, что хотел проконсультироваться с адвокатом до своего первого допроса. После этого был составлен протокол об аресте заявителя, согласно которому заявитель был арестован в Киеве 1 февраля 2003 г. в 6 часов вечера, и его право на юридическую помощь после ареста было ему разъяснено.

13. В тот же день, согласно Правительству, заявителя разместили в Киевском изоляторе временного содержания (далее – «ИВС»), где он сделал письменную «явку с повинной», в которой впервые признался в убийстве В. и Х.

14. В тот же день жена заявителя проинформировала прокурора о том, что наняла адвоката, г-жу К., для представления заявителя, и потребовала разрешения присутствовать во время разбирательств.

15. 3 февраля 2003 г. следователь удовлетворил просьбу жены заявителя и, в присутствии адвоката, проинформировал заявителя об обвинениях, выдвинутых против него 30 января 2003 г. Он также допросил заявителя в этом отношении. Заявитель дал показания, аналогичные тем, которые содержались в его признании от 1 февраля 2003 г. По словам заявителя, в тот день, и до каждого последующего допроса, сотрудники полиции угрожали, что если он откажется от показаний, его сокамерники, некоторые из которых были наркоманами, страдавшими от СПИДа, задушат или покусают его.

16. 4 февраля 2003 г. районный суд выдал постановление о задержании заявителя, сообщив, что имелись причины верить, что заявитель, находясь на свободе, продолжит свою преступную деятельность и может скрыться от следствия. В этом отношении суд опирался на тяжесть обвинений в отношении заявителя и его помещение в список разыскиваемых.

17. В тот же день медицинский эксперт нашёл царапины на обеих сторонах рук заявителя, которые, по словам эксперта, могли быть результатом сражения между заявителем и жертвами убийства; заявитель не представил каких-либо объяснений в отношении причины этих травм.

18. 5 февраля 2003 г. была проведена реконструкция преступления в присутствии адвоката заявителя. Заявитель вновь признал свою вину в отношении двойного убийства. Позже в тот же день, рассмотрев видеозапись реконструкции, заявитель и его адвокат не сделали каких-либо замечаний.

19. 13 февраля 2003 г. заявитель был доставлен в Киевский следственный изолятор № 13 (далее – «Киевский СИЗО»). Медицинское обследование заявителя в тот же день не выявило каких-либо травм на его теле.

20. 25 марта и 27 июня 2003 г. заявителя допросили в присутствии его адвоката, и он вновь признался в убийстве В. и Г.

21. 26 марта и 24 апреля 2003 г. районный суд продлил срок задержания заявителя до трёх и четырёх месяцев, соответственно, повторяя причины, содержащиеся в его постановлении от 4 февраля 2003 г. и опираясь на потребность завершения определённых следственных мероприятий.

22. 30 мая 2003 г. Киевский Апелляционный Суд (далее – Апелляционный Суд) продлил задержание заявителя до пяти месяцев, на тех же основаниях, что и Районный Суд.

23. 27 июня 2003 г. заявителя также обвинили в краже и мошенничестве. В тот же день следствие было завершено и в неуказанный день дело было передано в Апелляционный Суд как судпервой инстанции.

24. 22 августа 2003 г. Апелляционный Суд провёл предварительное слушание и постановил продолжить содержание заявителя под стражей, не уточнив причину.

25. Во время суда заявитель отказался от всех своих утверждений, данных на досудебной стадии, в том числе тех, которые были сделаны в присутствии его адвоката, и заявил, что не был виновен в двойном убийстве. Он утверждал, в частности, что все его признательные показания были даны под давлением, поскольку его избивали сотрудники полиции, они угрожали ему до каждого допроса и давали ему ложные обещания об освобождении. Он также хотел, чтобы его дело было рассмотрено как можно скорее.

26. 3 октября 2003 г. Апелляционный Суд обвинил заявителя и приговорил его к пожизненному заключению. Он отметил, что вину заявителя подтверждало, в частности, его изначальное признание и последующие утверждения, сделанные в присутствии его адвоката. Он также отметил, что в ходе досудебного расследования ни заявитель, ни его адвокат ни разу не жаловались на какое-либо жестокое обращение со стороны полиции. В решении содержится упоминание заявления офицера К. о том, что заявитель написал своё признание в полицейском участке в Харькове после задержания. Заявитель обжаловал решение и потребовал сменить меру пресечения на письменную подписку о невыезде.

27. 25 марта 2004 г., в присутствии заявителя и его адвоката, Верховный Суд отменил вышеуказанное решение из-за процессуальных нарушений. Он также отказал в просьбе заявителя об освобождении от досудебного содержания под стражей и оставил в силе возложенную на него меру пресечения. Суд опирался на тот факт, что не было принято окончательное решение в отношении того, был ли заявитель виновным; он также опирался на информацию о личности заявителя и его предшествовавшем поведении, но не представил дальнейших подробностей. В отношении продлённого задержания заявителя не были установлены временные рамки.

28. 13 апреля 2004 г. жена заявителя была допущена к разбирательствам в качестве его общественного защитника.

29. 21 апреля 2004 г. Апелляционный Суд, в присутствии заявителя, провёл предварительное слушание, на котором он оставил в силе меры пресечения, принятые в отношении заявителя, отказав в просьбе заявителя о замене меры пресечения на подписку о невыезде. Решение Апелляционного Суда основывалось на тяжести обвинений, информации о личности заявителя (без дальнейших подробностей), и на «других обстоятельствах, подпадающих под статью 148 Уголовно-процессуального кодекса». Для продлённого задержания не были установлены временные рамки.

30. Во время повторного судебного заседания заявитель утверждал о своей невиновности и повторил свои предыдущие утверждения о том, что его процессуальные права были нарушены во время досудебного расследования (см. пункт 25 выше).

31. 18 февраля 2005 г. Апелляционный Суд отделил обвинения в мошенничестве от дела и направил их на дальнейшее расследование. В том же постановлении приказали оставить заявителя под стражей; не были представлены какие-либо причины и временные рамки. Другим постановлением в тот же день Апелляционный Суд отклонил просьбу заявителя о смене меры пресечения на тех же основаниях, которые ранее приводились в его постановлении от 21 апреля 2004 г.

32. 18 марта 2005 г. Апелляционный Суд признал заявителя виновным и приговорил его к пожизненному заключению. Он опирался, в частности, на признательные показания заявителя, полученные во время досудебного расследования, включая его письменные признания, датированные 1 февраля 2003 г. Суд отметил, что эти показания должны превалировать над показаниями, которые заявитель дал во время суда, так как заявитель подтвердил их в присутствии адвоката, и они соответствовали ряду других доказательств в деле, которые, в целом, были собраны в соответствии с национальным правом.

33. В том же решении Апелляционный Суд отклонил жалобу заявителя о жестоком обращении со стороны полиции, как необоснованную. Допросив заявителя, сотрудников полиции и некоторых свидетелей, и рассмотрев видеозапись реконструкции сцены преступления и медицинский отчет от 4 февраля 2003 г., суд не нашёл каких-либо доказательств в поддержку утверждений заявителя. Он также отметил, что заявителя представлял адвокат, которого тот сам выбрал на досудебной стадии, и он ни разу ранее не жаловался на жестокое обращение.

34. В соответствии с документами, представленными Правительством, с 29 марта 2005 г. до 28 апреля 2005 г. заявитель запрашивал и получал доступ ко всем девяти томам материалов его дела и аудиозаписям слушаний. В июне 2005 г. заявитель попросил Апелляционный Суд позволить ему вновь ознакомиться с материалами дела. 13 июня 2005 г. эта просьба была отклонена на основании того, что заявитель уже полностью ознакомился с материалами дела.

35. Заявитель обжаловал своё осуждение, утверждая, что оно основывалось на подделанных документах, неправдивых показаниях и неприемлемых доказательствах. Он утверждал, что он был незаконно арестован 30 января 2003 г. в Харькове, но что его содержание под стражей оставалось незарегистрированным до 1 февраля 2003 г., и что он не был представлен судье в течение 72 часов с его ареста. Заявитель также утверждал, что его просьба об адвокате 30 января 2003 г. была

проигнорирована, и что ночью того же дня его допросили, избили и заставили дать признательные показания в обмен на обещание следователя не вредить его семье и отпустить его на основаниях того, что заявитель умственно отсталый. Заявитель повторил, что он был вынужден повторить своё признание в присутствии адвоката, и что он проинформировал своего адвоката о жестоком обращении со стороны следователя. Однако следователь не сдержал своё обещание, и признания заявителя были использованы в качестве основания для осуждения заявителя. Заявитель также жаловался, в частности, что его арест и заключение под стражу были незаконными; что он не мог связаться со своим представителем конфиденциально во время судебных заседаний, поскольку он находился в клетке в наручниках; что ему не предоставили достаточно времени и надлежащие условия для подготовки его защиты, поскольку слушания проводились на ежедневной основе и у него не было полного доступа к материалам дела; и что власти незаконно отказались разрешить его жене навещать его в Киевском СИЗО 14 февраля и 10 марта 2005 г. Прокуроры также обжаловали решение от 18 марта 2005 г.

36. 26 июля 2005 г. Верховный Суд, в присутствии заявителя и его общественного защитника, оставил в силе обвинение и приговор заявителя. Суд основывал свои выводы в основном на признаниях заявителя, полученных во время досудебного расследования. Он отметил, в частности, что в своей явке с повинной от 1 февраля 2003 г. заявитель представил подробности убийства, которые он не мог знать, не будучи убийцей. В то же время эти подробности не были известны полиции и поэтому, вопреки утверждениям заявителя, не могли быть продиктованы сотрудниками полиции. Достоверность его утверждений также подтверждалась заявителем в ряде случаев в присутствии адвоката, которого он выбрал, а также рядом других доказательств в деле. Суд отметил, что заявитель был задержан 30 января 2003 г., но сообщил, что в отношении его дела не были приняты следственные меры до 3 февраля 2003 г., и что после этого дня все следственные мероприятия проводились в присутствии адвоката. По этим причинам и установив, что Апелляционный Суд должным образом рассмотрел жалобы заявителя о жестоком обращении и отсутствии юридической помощи, он отклонил утверждения заявителя, как необоснованные. Утверждения заявителя об отсутствии доступа к материалам дела были аналогичным образом отклонены как необоснованные; для этого отклонения было дано подробное обоснование.

37. 11 августа 2006 г. заявитель подал внеочередную апелляцию в Верховный Суд. 22 декабря 2006 г. Верховный Суд отклонил эту апелляцию как необоснованную.

38. С 3 февраля 2003 г. и в течение всего досудебного расследования заявителя представляла г-жа К., адвокат, нанятый женой заявителя. В материалах дела также отмечается, что во время суда заявителя представляли несколько адвокатов, включая адвокатов из программы юридической помощи, и, на одной из стадий, адвоката, нанятого братом заявителя.

В. Раскрытие СМИ информации об уголовном производстве в отношении заявителя

39. 6 февраля 2003 г., по просьбе частного телевизионного канала Киев, информация об обстоятельствах убийства В. и Х. была раскрыта каналу прокурорами и впоследствии транслировалась несколько раз в 2003 г. как часть регулярной программы телепередач. По словам заявителя, каналу предоставили копию видеозаписи реконструкции сцены преступления.

40. В неустановленный день заявитель пожаловался прокурорам о предоставлении этой видеозаписи. В своём письменном ответе прокуроры заявили, что данные досудебного расследования были раскрыты в пределах, разрешённых по закону, и что раскрытая информация не нарушила каких-либо прав заявителя.

41. Во время суда заявитель безуспешно жаловался судам, что предоставление видеозаписи нарушило его право на презумпцию невиновности. Он не возбудил отдельные судебные разбирательства в отношении этого предполагаемого нарушения против прокуроров или телевизионного канала.

С. Условия содержания заявителя под стражей

1. Полицейские участки и ИВС

42. По словам заявителя, с 30 января до 13 февраля 2003 г. он содержался в камерах размером 7 кв.м. в которых было до десяти других задержанных, и ему не была предоставлена кровать или постельное бельё. Кроме того, у него не было возможности побриться или помыться; до 5 февраля 2003 г. он не получал пищи.

43. Правительство не представило каких-либо фактических подробностей в отношении содержания заявителя под стражей в вышеуказанный период.

2. Киевский СИЗО

44. С 13 февраля 2003 до 14 декабря 2005 г. заявитель содержался в Киевском СИЗО.

(а) Версия заявителя

45. С 14 до 24 декабря 2003 г. заявитель содержался в камере № 32, размерами около 50 кв.м., вместе с пятьюдесятью двумя другими заключёнными. После этого его перевели в камеру № 95, размером 7 кв.м., и он оставался там до марта 2004 г. вместе с четырьмя другими заключёнными. В марте 2003 г. заявителя перевели в камеру № 85, размером 16 кв.м., где он оставался с двенадцатью другими заключёнными.

46. С 3 октября 2003 г. до 25 марта 2004 г. и с 18 марта 2005 г. до 14 декабря 2005 г. заявитель содержался в камерах размером 7 кв.м. Окна во всех вышеперечисленных камерах были заколочены, не пропускали солнечный свет и практически не пропускали воздух. Каждая камера была заполнена насекомыми и была оснащена туалетом, который не был отделён от жилой зоны. Пища была плохого качества (водянистая овсянка с маргарином, гнилая рыба, дурно пахнущая квашеная капуста). Мясо, яйца и молочные продукты не предоставлялись, свежие овощи и фрукты предоставлялись редко. Заявителю не разрешали пользоваться часами и аксессуарами для бритья, а также получать передачи и встречаться с родственниками. Заявителю не оказывалась надлежащая медицинская помощь, и после 18 марта 2005 г. ему запретили получать лекарства от родственников.

47. 14 февраля и 10 марта 2005 г. администрация Киевского СИЗО не позволила жене заявителя встретиться с ним.

(b) Версия Правительства

48. Отметив, что было невозможно установить, в каких камерах заявитель содержался, так как временные рамки для хранения соответствующих документов истекли, и записи были уничтожены, Правительство оспорило описанные заявителем размеры камер и его описание того, сколько человек там содержалось. Правительство предоставило следующую информацию о камерах:

- камера № 32 – 54.1 кв.м. с тридцатью восемью индивидуальными кроватями;
- камера № 85 – 21.4 кв.м. с двадцатью индивидуальными кроватями;
- камера № 95 – 9.29 кв.м. с четырьмя индивидуальными кроватями;
- камера № 141 – 8.2 кв.м. с двумя индивидуальными кроватями;
- камера № 154 – 9 кв.м. с двумя индивидуальными кроватями.

49. Правительство также утверждало, что все камеры в Киевском СИЗО были оснащены системой вентиляции. Окна были оснащены небольшими откидными панелями для вентиляции, которые обеспечивали циркуляцию свежего воздуха. Каждая камера была оснащена уборной, отделённой от жилой зоны. Камеры регулярно

дезинфицировались. Заключённым предоставлялись горячие блюда надлежащего качества три раза в день, в том числе в дни судебных слушаний.

3. Днепропетровский СИЗО

50. С 4 до 13 мая 2008 г. заявитель оставался в Днепропетровском Следственном Изоляторе (далее – «Днепропетровский СИЗО»). По словам заявителя, ему не оказывалась медицинская помощь в отношении туберкулёза, от которого он страдал. Кроме того, он содержался в камере № 3 с задержанным, страдавшим от активной формы туберкулёза.

51. Правительство не предоставило фактические подробности в отношении условий содержания заявителя в этом учреждении.

4. Тюрьма № 47

52. Заявитель оставался в вышеуказанной тюрьме с 14 декабря 2005 г. до 24 апреля 2008 г. и с 27 октября 2008 г. до 18 апреля 2012 г.

53. По словам заявителя, с 14 декабря 2005 г. до 21 января 2008 г. он содержался вместе с заключёнными, страдавшими от латентной формы туберкулёза. 13 января 2008 г. его перевели в камеру, которую ранее занимал заключённый, страдавший от активной формы этой болезни. Эта камера не была дезинфицирована, в ней не было системы отопления, и окна были частично покрыты пластиком вместо стекла. Качество пищи и медицинского обслуживания в тюрьме было ненадлежащим. По словам заявителя, такие условия содержания под стражей серьёзно повлияли на его здоровье в том плане, что 13 апреля 2006 г. ему поставили диагноз гипертензии и 21 января 2008 г. ему диагностировали туберкулёз.

54. Правительство утверждало, что камера заявителя была оснащена вентиляцией и системой централизованного отопления. Тюрьма была полностью обеспечена дезинфекционными продуктами и камеры регулярно дезинфицировали сами заключённые. Также была доступна бактерицидная лампа. Согласно тюремным нормам, отдельная дезинфекция камер должна проводиться, когда выясняется, что заключённый страдает от активной формы туберкулёза. Заключённые, отбывающие пожизненное заключение, дважды в год проходили рентгеновское обследование для проверки на туберкулёз. Те, кто связывались с лицом, страдающим от активной формы туберкулёза, проходили рентгеновское обследование и получали соответствующее лечение.

5. Тюрьма № 61

55. С 13 мая 2008 г. до 12 октября 2008 г. заявитель содержался в больнице для заключённых, страдающих от туберкулёза, расположенной в тюрьме № 61. С 13 до 31 мая 2008 г. он находился в камере № 1 и с 25 июня 2008 г. до 25 июля 2008 г. в камере № 4. До сих пор неизвестно, в каких камерах заявитель содержался остальное время.

56. По словам заявителя, камеры были душными, так как окна были закрыты с 7 часов утра до 6 часов вечера. Камеры никогда не дезинфицировались и были заполнены крысами. Пища и медицинское обслуживание в учреждении были ужасного качества, что привело к смерти многих заключённых. Его сокамерники страдали от активной формы туберкулёза.

57. По данным Правительства, заявитель содержался отдельно от других заключённых в камерах, которые должным образом вентилировались. Ему предоставлялось достаточное и надлежащее питание.

Д. Условия, в которых заявитель содержался и перевозился в дни суда

1. Показания заявителя

58. Заявитель утверждал, что в дни судебных заседаний условия его содержания под стражей были следующими. Его будили в период с 4 до 5 часов утра. С 6 до 6.30 часов утра ему предоставляли немного сахара и кусок хлеба, и после этого примерно на час помещали в особую камеру размером примерно 30 кв.м., в которой находилось одновременно от тридцати до сорока заключённых. Камера была оснащена туалетом, который не был отделён от остального пространства, и в ней не было вентиляции или мебели. Около 7.30 утра заявителя переводили в транзитную камеру, размером около 14 кв.м., в которой находилось около 20 заключённых, где ему обычно приходилось ждать несколько часов до того, как его выводили наружу. В транзитной камере была плохая вентиляция, две койки с местами для восьми сидячих заключённых, и стол. В 9.30 утра заявителя переводили в специальную комнату, где он вынужден был пройти обыск с раздеванием в присутствии других людей. В 9.40 утра его и около двадцати других задержанных запирали примерно на полчаса в туалете без вентиляции или окон, после чего отводили в тюремный фургон. Фургон был размером 6 кв.м., в нём было недостаточно свежего воздуха и он не отапливался. Поэтому заявитель подвергался высоким температурам летом и ледяным температурам зимой. Были случаи, когда после возвращения в Киевский СИЗО заявитель был

вынужден ждать в фургоне до трёх часов, пока осуществлялись проверки безопасности. Во время слушаний, которые обычно протекали с 11 часов утра до 2 часов дня, заявитель содержался в металлической клетке под охраной трёх вооружённых офицеров, и никому – включая его адвоката – не позволяли подходить к нему ближе, чем на один метр. Как только каждое слушание заканчивалось, заявителя отводили либо в специальную транзитную камеру размером 0.8 кв.м., или, с четырьмя другими заключёнными, в камеру размером 2 кв.м., где он вынужден был ждать в течение нескольких часов без пищи, до того, как его отводили в тюремный фургон. После возвращения в Киевский СИЗО заявитель и девять других задержанных были вынуждены ждать в течение часа в неветилируемой транзитной камере размером 3 кв.м., после чего их вновь публично обыскивали с раздеванием и размещали в другой камере размером 12 кв.м., вмещавшей до двадцати задержанных одновременно, без окон и с плохой вентиляцией. Около 11 часов вечера заявителя отводили в его камеру.

59. По словам заявителя, слушания по его делу проводились на ежедневной основе. В материалах дела указывается, что заявителя перевозили и содержали в вышеизложенных условиях как минимум четыре раза.

60. По словам заявителя, 25 марта 2004 г. и 20 мая и 26 июля 2005 г. его руки были скованы у него за спиной весь день, с самого утра, когда его выводили из камеры для отправки в суд, до вечера, когда его возвращали в камеру после слушаний.

61. 29 июня 2005 г. заявитель подал жалобу в Печерский Районный Суд Киева в рамках процедуры судебного преследования частного лица в отношении главы отряда, сопровождавшего его 20 мая 2005 г. и потребовал возместить ущерб за неправомерное заковывание в наручники. 8 июля 2005 г. эту жалобу вернули ему по причине процессуальных нарушений. Заявитель не подал жалобу вновь и не обжаловал решение.

2. Показания Правительства

62. Согласно Правительству, тюремные фургоны были размером 8 кв.м. внутри и были разработаны для вмещения двадцати двух заключённых в трёх отделениях (два более крупных, размером 2.5 кв.м., предназначенные для десяти пассажиров каждое, и одно небольшое отделение для двух пассажиров). В фургонах не было окон, но они были оборудованы вентиляционными решётками и лавками для сидения. Правительство также утверждало, что по причине большого количества задержанных, которых ежедневно перевозили из Киевского СИЗО в суды, тюремные фургоны вынуждены были стоять в очереди после возвращения в место лишения свободы, но не более часа.

63. Правительство также утверждало, опираясь на соответствующие национальные положения, что (а) всем задержанным, у которых было как минимум три последовательных дня слушаний по их делам, необходимо было обеспечивать три приёма пищи в день, и завтрак следовало отправлять напрямую в суд; (b) полный обыск задержанных до их отправки в суд должен был проводиться в отдельном изолированном помещении и в отсутствие лиц противоположного пола; (с) ответственностью главы соответствующего сопровождающего отряда было принятие решений о том, стоит ли заковывать сопровождаемого в наручники, принимая во внимание текущую ситуацию, опасность, представляемую сопровождаемым лицом, и другие соответствующие факторы. Что касается предполагаемого заковывания, Правительство также утверждало, что было невозможно установить, действительно ли заявителя сковали, как он утверждал, и подавал ли он какие-либо жалобы в этом отношении, поскольку срок хранения соответствующих документов истёк, и все записи были уничтожены.

Е. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем

1. Случай в Апелляционном Суде 16 сентября 2004 г.

64. 16 сентября 2004 г., в ходе слушания по его делу, заявитель попросил, чтобы Апелляционный Суд вызвал ему скорую, потому что он плохо себя чувствовал. Его просьба была отклонена, судья-председатель расценил её, как попытку отложить разбирательство, поскольку из Киевского СИЗО не поступала какая-либо информация о том, что здоровье заявителя было слабым. Однако слушание было отложено до 30 сентября 2004 г.

2. Предполагаемое избиение заявителя 3 апреля 2005 г.

65. По словам заявителя, 3 апреля 2005 г. его и двух его сокамерников избили без причины охранники Киевского СИЗО во время ежедневной прогулки во дворе. В результате у него появился синяк на правой ноге размером 5 см x 7 см.

66. 4 апреля 2005 г. жена заявителя пожаловалась генеральному прокурору и администрации Киевского СИЗО об избиении заявителя, но не уточнила какие-либо травмы. 17 мая 2005 г. прокурор, осуществив расследование этого вопроса, ответил, что её жалоба была необоснованной. Ни заявитель, ни его жена не оспорили ответ прокурора.

67. 5 и 6 апреля 2005 г. заявитель подал жалобы в Государственный Департамент Наказаний и администрации Киевского СИЗО, соответственно, о том, что персонал Киевского СИЗО отказался

зарегистрировать травмы, нанесенные ему во время избиения, и не позволил ему призвать прокурора.

3. События 17 ноября 2007 г. в тюрьме № 47

68. 17 ноября 2007 г. в тюремных камерах были проведены обыски.

69. По словам заявителя, в тот день группа сотрудников тюрьмы в масках ворвалась в камеру, в которой он находился вместе с другими заключёнными; ему и его сокамерникам приказали лечь на пол с руками за головой. Когда заявитель постарался принять более удобное положение, его ударили резиновой дубинкой по спине. После этого сотрудники вывели заключённых в коридор и приказали им полностью раздеться. После этого они приказали им присесть, после чего отвели в тюремный двор, где они оставались в течение двух часов полураздетыми при температуре -10 °C. В это время камеру заявителя обыскали и, в результате, некоторые из его личных вещей, такие, как пища, книги, фотографии и письма, пропали.

70. 19 ноября 2007 г. заявитель пожаловался в прокуратуру и омбудсмену, что вышеуказанный обыск был незаконным, и что некоторые из его личных вещей пропали. Он утверждал, что его «не избили на этот раз» и ничего не говорил о том, что вынужден был находиться на улице в полураздетом виде или приседать. 5 января 2008 г. следователь прибыл в тюрьму с намерением допросить заявителя в связи с его жалобой. В документах, поданных Правительством, указывается (без приведения причин), что заявитель отказался от встречи со следователем. 14 марта 2008 г. прокурор проинформировал заявителя в письменном виде, что обыск был законным, и что во время расследования, проведенного после его жалобы от 19 ноября 2007 г. не были зафиксированы какие-либо случаи применения силы или другого вида бесчеловечного обращения по отношению к заключённым. Заявитель не оспорил ответ прокурора.

71. 20 ноября 2007 г. пять заключённых из той же тюрьмы обратились с жалобами в прокуратуру, утверждая, что 17 ноября 2007 г. группа особых сотрудников тюрьмы жестоко обращалась с ними и что некоторые из их личных вещей пропали. Однако они отказались предоставить дальнейшие подробности во время последующего расследования их жалобы. 26 ноября 2007 г. прокурор отказался возбудить уголовное производство, и прокуратура отказалась начать расследование в отношении жалобы пяти заключённых после выявления того, что эти утверждения были необоснованными. Было установлено, в частности, что заключённые были надлежащим образом одеты, когда их вывели во двор, и что к ним не применялась физическая сила. Никто из заключённых не обжаловал постановление, несмотря на тот факт, что право на обжалование было им объяснено.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

A. Конституция Украины (1996)

72. Соответствующие положения можно найти, например, в решении Суда по делу *Ogorodnik v. Ukraine* (№ 29644/10, § 65, 5 февраля 2015).

B. Уголовный кодекс (2001)

73. Согласно пункту 1 статьи 115, умышленное убийство наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет. Согласно пункту 2 статьи 115, если умышленное убийство было совершено при одном из отягчающих обстоятельств, перечисленных в этом пункте (включая убийство ребёнка), оно наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, или пожизненным заключением.

C. Уголовно-процессуальный кодекс (1960), в текущей редакции

74. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса (далее – «УПК»), касающиеся применения мер пресечения и доступа к адвокату, можно найти в деле *Zakshevskiy v. Ukraine* (№ 7193/04, §§ 47 и 48, 17 марта 2016 г.).

75. Статья 395 УПК гласит, в частности, что Кассационный Суд должен рассмотреть, было ли оспоренное судебное решение законным и основанным на соответствующих материалах дела и любых дополнительных представленных материалах. Объём такого рассмотрения ограничивается аргументами, представленными в кассационной жалобе (-ах). Суд уполномочен рассматривать дело помимо аргументов, приведенных в кассационной жалобе (-ах) только если это не ухудшает позицию осуждённого или оправданного лица.

D. Уголовно-процессуальный кодекс (2012)

76. Положение Уголовно-процессуального кодекса, касающееся возобновления разбирательств, гласит следующее:

Статья 445. Основания для пересмотра судебных решений Верховным Судом Украины

“1. Основаниями для пересмотра судебных решений Верховным Судом Украины, вступившие в законную силу, являются:

...

4) установление международным судебным учреждением, юрисдикция которого признана Украиной, нарушения Украиной международных обязательств при решении дела судом.”

Е. Закон об исполнении решений Европейского Суда по Правам Человека, 2006

77. Раздел 10 Закона предусматривает дополнительные индивидуальные меры с целью исполнения решений Суда, включая пересмотр дела судом и возобновление разбирательств.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОКЛАДЫ

78. Соответствующие международные и национальные материалы, касающиеся условий содержания под стражей и перевозки задержанных можно найти в решениях по делам *Yakovenko v. Ukraine* (№ 15825/06, §§ 56-61, 25 октября 2007), *Titarenko v. Ukraine* (№ 31720/02, § 41, 20 сентября 2012), *Gorbatenko v. Ukraine* (№ 25209/06, §§ 97-98, 28 ноября 2013), *Andrey Yakovenko v. Ukraine* (№ 63727/11, §§ 71-73, 13 марта 2014), и *Muršić v. Croatia* [GC] (№ 7334/13, §§ 136-139, 20 октября 2016).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 В ОТНОШЕНИИ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

79. Заявитель жаловался на условия его содержания под стражей в ИВС, полицейских участках, Киевском и Днепропетровском СИЗО и тюрьмах № 47 и 61. В этом отношении он опирался на статью 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.”

А. Приемлемость

1. ИВС, полицейские участки и Днепропетровский СИЗО

80. Правительство утверждало, что жалобы заявителя были поданы после истечения шестимесячного срока, предусмотренного Конвенцией.

81. Заявитель настаивал на своей жалобе.

82. Материалы дела указывают, что жалоба заявителя в отношении ИВС и полицейских участков была подана в Суд 30 октября 2004 г., а жалоба в отношении Днепропетровского СИЗО - 14 декабря 2008 г.

83. Принимая во внимание своё прецедентное право о применении правила шести месяцев к жалобам в отношении условий содержания под стражей (см., например, *Ananyev and others v. Russia*, № 42525/07 и 60800/08, § 78, 10 января 2012), Суд отмечает, что соответствующие жалобы были озвучены более чем через шесть месяцев после окончания соответствующих периодов содержания под стражей. Поэтому он считает, что эта часть заявления должна быть отклонена, в соответствии со статьёй 35 §§ 1 и 4 Конвенции, как представленная вне временных рамок.

2. Тюрьма № 61

84. Правительство утверждало, что условия содержания заявителя были надлежащими, и что утверждения заявителя были необоснованными.

85. Заявитель настаивал на своей жалобе и утверждал, что пища и медицинское обслуживание в учреждении были ужасными, что привело к смерти многих заключённых. Чтобы оспорить свои условия содержания, он был вынужден объявить голодовку.

86. Суд напоминает, что утверждения о жестоком обращении должны сопровождаться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Суд обычно применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения». Однако такие доказательства могут истекать из сосуществования достаточно сильных, чётких и согласующихся выводов или аналогичных неопровержимых презумпций факта (см. *Ireland v. the United Kingdom*, № 5310/71, 18 января 1978 г., § 161, серия А № 25, и *Kleutin v. Ukraine*, № 5911/05, § 52, 23 июня 2016).

87. Суд отмечает, что жалоба заявителя сформулирована в общих чертах и недостаточно подробна для того, чтобы Суд мог установить, до какой степени заявитель лично пострадал от условий, которые он описывал. Кроме того, Судом ещё не было вынесено какое-либо решение в деле, которое касалось условий содержания под стражей в тюрьме № 61 в период, упомянутый заявителем. Поэтому Суд считает, что этой части заявления не хватает обоснования, и она должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со статьёй 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

3. Киевский СИЗО и тюрьма № 47

88. Правительство опиралось на свои фактические материалы (см. пункты 48, 49 и 54 выше) и утверждало, что утверждения заявителя

были необоснованными. Правительство также опиралось на медицинские данные заявителя и утверждало, что заявитель не жаловался национальным властям, что состояние его здоровья ухудшилось в Киевском СИЗО, или что в результате ему понадобилась медицинская помощь.

89. Заявитель настаивал на своих жалобах, опираясь на свои фактические доводы (см. пункты 45-47 и 52-53 выше).

90. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Поэтому они должны быть объявлены приемлемыми.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

91. Правительство утверждало, что в Киевском СИЗО и тюрьме № 47 предлагались условия, соответствующие статье 3 Конвенции. Что касается последнего, Правительство также сообщило, что все тюремные камеры, в которых содержался заявитель, должным образом вентилировались и дезинфицировались, температура в камерах была надлежащей, и заключённые с туберкулёзом содержались отдельно от здоровых.

92. Заявитель не согласился.

2. Оценка Суда

(а) Киевский СИЗО

93. Статья 3 Конвенции требует, чтобы государства гарантировали, чтобы лица содержались под стражей в условиях, соответствующих уважению человеческого достоинства, и чтобы характер и метод исполнения такой меры не подвергал их тяготам или бедствиям, интенсивность которых превышает неизбежный уровень страдания, присущий лишению свободы (см. *Kudła v. Poland* [GC], № 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI).

94. Суд напоминает, что серьёзная нехватка пространства в тюремной камере является серьёзным фактором, который следует принять во внимание в целях установления того, были ли описанные условия содержания под стражей «унижающими достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции и может раскрыть нарушение, отдельно или вместе с другими недостатками. Когда личное пространство, доступное задержанному, составляет менее 3 квадратных метров пола в многоместной тюремной камере, отсутствие личного пространства считается настолько серьёзным, что возникает сильная презумпция

нарушения статьи 3 (см., среди многих иных, *Karalevičius v. Lithuania*, № 53254/99, §§ 39-40, 7 апреля 2005 г., *Ananyev and others*, цит. выше, §§ 145-147 и 149, и *Muršić*, цит. выше, §§ 136-139). Эту презумпцию обычно можно отвергнуть только если соблюдены все следующие факторы: (1) уменьшения необходимого минимального личного пространства в 3 кв.м. являются кратковременными, редкими и незначительными; (2) такие уменьшения сопровождаются значительной свободой перемещения за пределами камеры и надлежащей деятельностью вне камеры; (3) заявитель содержится, в целом, в надлежащем месте лишения свободы, и нет никаких отягощающих аспектов условий его содержания под стражей (см. *Muršić*, цит. выше, §§ 130, 133 и 134).

95. Суд отмечает, что в настоящем деле заявитель предоставил конкретные детали относительно размера каждой конкретной камеры, в которой он оставался в конкретные периоды времени, а также относительно количества заключённых, размещавшихся там, и других условий в каждой камере. Правительство представило собственные описания условий, в которых заявитель содержался под стражей, и оспорило размер камер и количество задержанных, находившихся в камерах, в то же время признав, что записи, касаемо лиц, находившихся в Киевском СИЗО с заявителем, были уничтожены.

96. Суд не считает необходимым решать фактический спор между сторонами, так как, в любом случае, доступные доказательства указывают, что во время его пребывания в Киевском СИЗО заявителю не хватало личного пространства. В частности, как отмечено Правительством, некоторые из камер, в которых заявитель содержался, допускали приблизительно от 1.5 кв.м. до 2.5 кв.м. пространства пола для заключённого. Правительство не уточнило, как много заключённых занимали эти камеры на то время, записи были уничтожены.

97. Кроме того, учитывая, что камеры также содержали санитарные приспособления, личное пространство, доступное заключённым, было дополнительно уменьшено.

98. Что касается других элементов, относящихся к оценке условий содержания под стражей, Суд отмечает, что доводы заявителя в отношении антисанитарных условий и несоблюдения гигиены описаны подробно. Кроме того, в ряде случаев Суд уже выявлял нарушение статьи 3 Конвенции в отношении переполнения и антисанитарных условий в том же следственном изоляторе в тот же период времени – см. *Gavula v. Ukraine*, № 52652/07, 16 мая 2013 г. (относительно периода с 26 февраля 2003 г. до августа 2010 г.); *Koval v. Ukraine*, № 65550/01, 19 октября 2006 г. (касаемо периода с 3 августа 1999 г. до 6 июня 2000 г.); и *Kharchenko v. Ukraine*, № 40107/02, 10 февраля 2011 г. (касаемо периода с 20 апреля 2001 г. до 4 августа 2003

г.). Поэтому он принимает приведенное заявителем описание соответствующих фактов.

99. Хотя ни одна из сторон не уточнила количество времени, которое заявитель каждый день проводил, запертый в своей камере, Суд отмечает, учитывая положения, касающиеся режима СИЗО в Украине, что заявитель и его сокамерники вынуждены были проводить большую часть каждого дня в вышеизложенных условиях (см. *Gavula*, цит. выше, § 71).

100. В этих обстоятельствах Суд отмечает, что условия содержания заявителя под стражей в Киевском СИЗО (в частности, нехватка личного пространства, доступного заявителю), в сочетании с антисанитарным окружением в отношении личной гигиены и отсутствием упражнений на свежем воздухе в течение около трёх лет его заключения, составляли унижающее достоинство обращение. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в этом отношении.

101. Принимая во внимание эти выводы, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть утверждений заявителя согласно этой главе.

(b) Тюрьма № 47

102. Суд отмечает, что показания сторон различаются в отношении различных подробностей, касающихся материальных условий содержания заявителя под стражей, и что ни одна позиция не поддерживается достаточными доказательствами. В то же время материалы дела предполагают – и это не оспаривается сторонами – что заявитель заболел туберкулёзом во время своего пребывания в тюрьме № 47. Этот факт является значительным непрямым доказательством в поддержку утверждений заявителя о том, что власти не обеспечили надлежащие условия в отношении его содержания под стражей в этом учреждении. Соответственно, Суд считает, что Правительство не смогло осуществить своё обязательство согласно статье 3 Конвенции по отношению к заявителю, и что, следовательно, имело место нарушение этого положения.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ПЕРЕВОЗКИ В ДНИ СУДА И ЕГО РАЗМЕЩЕНИЯ В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ КЛЕТКЕ ВО ВРЕМЯ СУДЕБНЫХ СЛУШАНИЙ

103. Заявитель жаловался на условия, в которых его перевозили на судебные слушания и обратно, и на условия его содержания под стражей в дни суда, включая его постоянное содержание в наручниках

25 марта 2004 г., 20 мая и 26 июля 2005 г. Он также утверждал, что его держали в клетке с металлической решёткой во время слушаний по его делу. Он опирался на статью 3 Конвенции, приведенную выше.

А. Приемлемость

104. Правительство заявило, что утверждения заявителя касаются его постоянного пребывания в наручниках 25 марта 2004 г. впервые были направлены в суд в письме заявителя от 18 апреля 2005 г. и поэтому должны быть отклонены, как поданные по истечению срока давности.

105. Правительство также утверждало, что заявитель не исчерпал национальные средства правовой защиты в отношении его жалобы, касающейся условий его транспортировки, так как он не подавал соответствующие жалобы в прокуратуру. Правительство отметило, что если бы национальные власти признали незаконность транспортировки, он мог бы подать гражданский иск о возмещении ущерба.

106. Правительство также утверждало, что утверждения заявителя, касающиеся публичных обысков с раздеванием в дни суда и заковывания в наручники 20 мая и 26 июля 2005 г. не поддерживались какими-либо доказательствами. Оно опиралось в этом отношении на национальные положения, регулирующие соответствующие вопросы (см. пункт 63 выше).

107. Заявитель настаивал на своих жалобах.

108. Что касается предположительного заковывания заявителя 25 марта 2004 г., Суд отмечает, что его жалобы можно расценивать, как касающиеся отдельных действий со стороны властей, а не длительного нарушения в течение рассматриваемого периода лишения свободы. Принимая во внимание, что ни одна из сторон не сообщила, что имели место эффективные средства правовой защиты для этих жалоб и учитывая дату, когда жалоба о его заковывании в наручники 25 марта 2004 г. была подана в Суд (18 апреля 2005 г.), Суд приходит к выводу, что эта жалоба подана по истечении крайнего срока и должна быть отклонена в соответствии со статьёй 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

109. Суд также отмечает, в том, что касается жалобы заявителя относительно условий перевозки, что он отклонил аналогичные возражения, поданные Правительством в отношении неисчерпания национальных средств правовой защиты в ряде других дел (см., например, *Koktysh*, цит. выше, § 87). Он не видит причины отклоняться от своих предыдущих выводов в настоящем деле и считает, что эта жалоба не может быть объявлена неприемлемой по причине неисчерпания национальных средств правовой защиты. Она также не может быть отклонена, как отчётливо необоснованная и не может быть

объявлена неприемлемой по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

110. Что касается остальной части жалобы заявителя, Суд приходит к выводу, что соответствующие жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 §§ 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Поэтому они должны быть объявлены приемлемыми.

В. Существо дела

1. Условия содержания под стражей и транспортировки в дни суда

111. Заявитель опирался на свои фактические доводы (см. пункты 58-60 выше) и утверждал, что обращение, которому он подвергнулся в дни суда, не соответствовало статье 3 Конвенции.

112. Правительство утверждало, что условия, в которых заявитель перевозился на судебные слушания и обратно, отвечали национальному праву. Оно утверждало, что эти условия, в любом случае, не достигали порога, требуемого статьёй 3 Конвенции. Правительство не представило какие-либо замечания в отношении утверждений заявителя, касающихся условий его содержания в дни суда.

113. Суд напоминает своё прецедентное право, как указано в пункте 95 выше, и также отмечает, что жестокое обращение должно достигать определённого уровня серьёзности для того, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка этого минимального уровня серьёзности относительна; он зависит от всех обстоятельств рассматриваемого дела, таких, как продолжительность обращения, его физические и психические последствия и, в некоторых случаях, от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см., среди прочих, *Ireland v. the United Kingdom*, цит. выше, § 162, и *Kulyk v. Ukraine*, № 30760/06, § 77, 23 июня 2016). Кроме того, рассматривая, было ли обращение «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3, Суд примет во внимание то, являлось ли его целью унижение и оскорбление соответствующего лица и, в том, что касается последствий, возымело ли оно негативный эффект на его личность таким образом, который не соответствовал статье 3. Даже отсутствие такой цели не может исключить признание нарушения этого положения (см. *Peers v. Greece*, № 28524/95, §§ 67-68 и 74, ECHR 2001-III, и *Valašinas v. Lithuania*, № 44558/98, § 101, ECHR 2001-VIII).

114. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что жалобы заявителя, касающиеся условий его содержания под стражей в Киевском СИЗО в дни суда и его перевозки в тюремном фургоне в суд

и обратно, описаны подробно и последовательно. Доводы заявителя не опровергаются Правительством. Их также поддерживают международные и национальные доклады, рассмотренные судом в делах *Yakovenko* и *Koktysh*, оба приведены выше, и выводы Комитета по предупреждению пыток и жестокого или бесчеловечного обращения или наказания по итогам его визита в Украину в сентябре 2009 г.

115. Кроме того, аналогичные условия в отношении перевозки задержанного и содержания под стражей привели к признанию нарушения статьи 3 Конвенции в ряде решений Суда (см., например, *Andrey Yakovenko*, цит. выше, §§ 98-103 и, как самый новый пример, *Yaroshovets and others v. Ukraine*, № 74820/10, 71/11, 76/11, 83/11, и 332/11, §§ 101-104, 3 декабря 2015). Правительство не выдвинуло аргументы, которые позволили бы Суду прийти к иному выводу в данном деле. Поэтому Суд считает, что условия содержания под стражей и транспортировки, которым заявитель подвергся в дни судебных слушаний, нарушали статью 3 Конвенции.

116. С учётом этих выводов Суд не считает необходимым рассматривать отдельно конкретные утверждения заявителя о двух случаях заковывания его в наручники в дни судебных слушаний.

2. Размещение в металлической клетке во время судебных слушаний

117. Заявитель настаивал, что Правительство не представило надлежащей причины для размещения его в металлической клетке во время суда. Он всегда был закован в наручники и охранялся тремя вооружёнными людьми, и поэтому не представлял угрозу безопасности. Решение поместить заявителя в клетку во время суда унизило его в его собственных глазах и заставило его чувствовать, что его позиция была не наравне с позицией других участников слушаний.

118. Правительство утверждало, что помещение заявителя за металлическую решётку было направлено не на его унижение или оскорбление, а на обеспечение общественной безопасности. Оно утверждало, что такие приспособления не могли причинить ему бедствия или унижение, интенсивность которого превышала бы неизбежный уровень страдания или унижения, присущий содержанию под стражей.

119. Суд постановил, что содержание лица в металлической клетке во время суда само по себе – принимая во внимание его объективно унижающий характер, несовместимый со стандартами цивилизованного поведения, которые являются отличительной чертой демократического общества – является оскорблением человеческого достоинства в нарушение статьи 3 (см. *Svinarenko and Slyadnev v. Russia* ([GC], № 32541/08 и 43441/08, § 138, ECHR 2014 (выдержки)).

120. Суд отмечает, что содержание подсудимых, даже тех, кто не был осуждён, в металлических клетках во время судебных слушаний представляется стандартной процедурой в Украине (см. *Titarenko*, цит. выше, § 41). Он также отмечает, обращаясь к настоящему делу, что Правительство не представило какие-либо доказательства наличия актуального и конкретного риска безопасности в зале суда, который требовал бы, чтобы заявитель, которого охраняли три офицера, находился в металлической клетке во время слушаний по его делу.

121. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в этом отношении.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЗАЯВИТЕЛЕМ

122. Заявитель жаловался согласно статье 3 Конвенции, что его пытали и ему угрожала полиция 30 января 2003 г., и что его избили сотрудники Киевского СИЗО 3 апреля 2005 г., и сотрудники тюрьмы 17 ноября 2007 г. Он также опирался на статью 3, жалуясь на то, что власти не оказали ему медицинскую помощь 16 сентября 2004 г. и во время его перевозки в тюрьму № 61 и из неё.

А. Предполагаемое жестокое обращение со стороны полиции ночью 30/31 января 2003 г

123. Заявитель жаловался, что сотрудники полиции жестоко обращались с ним ночью 30/31 января 2003 г. с целью заставить его признаться в убийстве В. и Х., и что во время его судебно-медицинской экспертизы эксперты отказались зарегистрировать полученные им травмы, кроме ссадин на его руках.

124. Правительство утверждало, что эти жалобы не поддерживались медицинскими или иными доказательствами. Оно также отметило, что на национальном уровне заявитель подал свою жалобу только во время суда, и что жалоба была отклонена национальным судом, как необоснованная.

125. Суд напоминает, что утверждения о жестоком обращении должны сопровождаться соответствующими доказательствами (см. пункт 87 выше).

126. В настоящем деле заявитель не уточнил, какие травмы он получил во время предполагаемого жестокого обращения и не подкрепил свои утверждения какими-либо медицинскими или иными доказательствами. Кроме утверждений заявителя у Суда нет доказательств, предполагающих, что заявитель подвергся физическому жестокому обращению или какому-либо психологическому давлению со стороны сотрудников полиции. Суд

также отметил, что утверждения заявителя были рассмотрены судами, которые вели его уголовное дело, и эти суды также не нашли какие-либо доказательства жестокого обращения. Суды выслушали заявителя, полицию и сопровождающих офицеров. Они также рассмотрели медицинскую карту заявителя и результаты его судебно-медицинской экспертизы от 4 февраля 2003 г. Видеозапись реконструкции сцены преступления, проведенной с участием заявителя вскоре после предполагаемого жестокого обращения, тоже была изучена.

127. С учётом вышеизложенного Суд не может прийти к выводу вне разумного сомнения, что полиция жестоко обращалась с заявителем, как он утверждал. Отсюда следует, что эта часть заявления является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьёй 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

В. Предполагаемое отсутствие медицинской помощи 16 сентября 2004 г. и с 24 апреля до 13 мая 2008 г.

128. В своём письме от 18 апреля 2005 г. заявитель пожаловался Суду, что во время слушания 16 сентября 2004 г. председательствующий судья отказался вызвать ему скорую помощь, несмотря на то, что он нуждался в медицинской помощи.

129. 14 декабря 2008 г. заявитель пожаловался Суду на отсутствие надлежащего лечения его туберкулёза во время его перехода из тюрьмы № 47 в тюрьму № 61 с 24 апреля до 13 мая 2008 г.

130. Правительство утверждало, что эти жалобы следует отклонить, как поданные по истечению крайнего срока.

131. Заявитель настаивал на своих жалобах.

132. Суд отмечает, что события, на которые жаловался заявитель, произошли больше, чем за шесть месяцев до подачи соответствующих жалоб в Суд (см., с учётом соответствующих изменений, *Gritsenko v. Ukraine* (реш.), № 13777/03, 24 сентября 2013, и *Mikhaniv v. Ukraine* (реш.), № 75522/01, 20 мая 2008). Учитывая, что материалы дела не указывают, что существовали эффективные средства правовой защиты в отношении жалоб заявителя, Суд приходит к выводу, что эти жалобы были поданы по истечению срока давности и должны быть отклонены в соответствии со статьёй 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

С. Предполагаемое избиение заявителя 3 апреля 2005 г.

133. Правительство утверждало, что утверждения заявителя не сопровождались какими-либо доказательствами. Оно также утверждало, что заявитель никогда не жаловался лично об избиении, и что решение прокурора от 17 мая 2005 г., вынесенное после того, как

жена заявителя пожаловалась на предполагаемое избиение, не было ей обжаловано.

134. Заявитель настаивал на своей жалобе.

135. В той степени, в какой утверждения Правительства предполагают, что заявитель не исчерпал национальные средства правовой защиты, как требуется в статье 35 § 1 Конвенции, Суд, в обстоятельствах настоящего дела, не считает необходимым рассматривать этот вопрос, так как жалоба в любом случае является неприемлемой по следующим причинам.

136. Суд отмечает, что жалоба заявителя, поданная в Суд, основана на его собственном описании событий, довольно коротком и общем. Оно ограничивается утверждением, что он и его сокамерники были избиты определёнными особыми сотрудниками тюрьмы на заднем дворе Киевского СИЗО, и что в результате он получил синяк на ноге размером 5 см x 7 см.

137. Кроме того, заявитель не представил какие-либо медицинские доказательства в поддержку своего утверждения. Единственным доказательством, которое он представил, были копии его жалоб национальным властям – одна из них сопровождалась подписями его предполагаемых сокамерников; ни одна из них не сопровождалась каким-либо доказательством того, что их отправляли властям, или что те их получали – как и жалобы его жены от 4 апреля 2005 г. (см. пункты 66 и 67 для дальнейших подробностей). Суд отмечает, что вышеупомянутые жалобы заявителя излагались в общих чертах и не представляли подробности в отношении самого жестокого обращения или полученных травм. Суд отмечает, что копия жалобы заявителя администрации Киевского СИЗО от 6 апреля 2005 г. содержит письменные показания его жены о том, что 11 апреля 2005 г. – то есть, приблизительно через десять дней после того, как произошло предполагаемое жестокое обращение и через пять дней после подачи рассматриваемой жалобы – она увидела большую ссадину на правой ноге заявителя. В то время как Суд считает, что жена заявителя не может рассматриваться, как непредвзятый свидетель, он, тем не менее, отмечает, что ни в одной из собственных жалоб национальным властям – поданных через день после предполагаемого избиения – она не ссылаясь на какую-либо конкретную травму, понесенную заявителем, несмотря на то, что она утверждала Генеральному прокурору, что она встретила с заявителем в тот же день, когда подала жалобу.

138. Принимая во внимание эти обстоятельства, Суд считает, что настоящая жалоба не была должным образом подкреплена заявителем. Поэтому она должна быть отклонена, как явно необоснованная, согласно статье 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

D. События в тюрьме № 47 17 ноября 2007 г.

139. Правительство утверждало, что жалоба заявителя была явно необоснованной и не сопровождалась какими-либо доказательствами.

140. Оно также опиралось на результаты расследования, проведенного прокуратурой после того, как другие заключённые подали аналогичные жалобы (см. пункт 71 выше) и отметило, что ни один из затронутых заключённых не обжаловал выводы прокуратуры. Что касается конкретного дела заявителя, Правительство отметило, что он не обращался за медицинской помощью ни 17 ноября 2007 г., ни в последующие дни. Оно также отметило, что жалоба заявителя, направленная в прокуратуру, касалась исключительно предполагаемой незаконности обыска, и что заявитель не продолжил свою жалобу и не сотрудничал с прокурором во время расследования его утверждений. Аналогично, он не обжаловал решение прокурора.

141. Заявитель настаивал, что 17 ноября 2007 г. он подвергся пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, и утверждал, что из-за гипотермии, причинённой в результате стояния босиком и без одежды в течение почти двух часов на бетонном полу, он впоследствии страдал от туберкулёза лёгких.

142. Суд отмечает, что в то время, как заявитель представил подробное описание событий, его жалоба основана на его собственном описании этих событий и не поддерживается какими-либо доказательствами, такими, как показания свидетелей. Кроме того, в своей жалобе в прокуратуру касаясь событий 17 ноября 2007 г., копия которой была представлена Суду Правительством, заявитель, утверждая, что он был унижен особыми сотрудниками тюрьмы, ссылаясь только на незаконный обыск и перечислил предметы, которые пропали после обыска. Кроме того, Суд не может оставить без внимания тот факт, что заявитель отказался представить подробности в отношении его жалобы во время соответствующего расследования, проведенного прокуратурой, и это не было им оспорено или объяснено.

143. Кроме того, заявитель не представил каких-либо доказательств того, что он страдал от гипотермии в результате событий, на которые жаловался, или как минимум что он жаловался в этом отношении медицинскому отделению Киевского СИЗО. Также Суд не может найти какое-либо медицинское доказательство, касающееся заявителя, в медицинской карте, представленной Правительством, в той мере, в которой представленные копии являются разборчивыми и понятными. Что касается утверждения заявителя о том, что его туберкулёз был последствием предполагаемого жестокого обращения, Суд отмечает, что без каких-либо поддерживающих медицинских доказательств эти утверждения являются спекулятивными. Не следует также упускать из

внимания, что в той части своего заявления, которая касалась заболевания туберкулёзом в тюрьме № 47 (см. пункт 53 выше), заявитель не ссылаясь на события 17 ноября 2007 г. как на один из факторов, которые привели к его заболеванию.

144. В этих обстоятельствах Суд, принимая во внимание доступные материалы, считает, что настоящая жалоба не была должным образом подкреплена заявителем. Поэтому она должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со статьёй 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

145. Заявитель пожаловался, что его задержание 30 января 2003 оставалось незарегистрированным до 1 февраля 2003 г. и что его изначальное содержание под стражей и его досудебное содержание с 30 июня 2003 г. до 22 августа 2003 г., а также во время повторного слушания по его делу, было незаконным, так как оно либо не было покрыто каким-либо судебным приказом, либо приказ был дан без достаточных причин и без временных рамок. Заявитель опирался на статью 5 § 1 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...”

А. Приемлемость

146. Правительство утверждало, что жалоба в отношении задержания заявителя с 30 января до 4 февраля 2003 г. была неприемлемой из-за неисчерпания национальных средств правовой защиты, так как заявитель мог оспорить своё задержание согласно статье 106 УПК и мог впоследствии подать иск о возмещении ущерба.

147. Оно также утверждало, что жалобы заявителя касаются периода с 30 июня до 22 августа 2003 г. должны быть отклонены, как поданные по истечению срока давности.

148. Правительство не представило каких-либо замечаний в отношении приемлемости остальной части жалобы заявителя.

149. Заявитель настаивал на своих жалобах.

150. Суд отмечает, что он уже рассматривал в аналогичных обстоятельствах средства правовой защиты, представленные

Правительством, и признавал, что они не могли считаться эффективными и не обязаны были считаться исчерпанными (см. *Lopatin and Medvedskiy v. Ukraine* № 2278/03 и 6222/03, §§ 76 и 77, 20 мая 2010, и *Savin v. Ukraine*, № 34725/08, § 77, 16 февраля 2012). Суд не видит причины признавать обратное в настоящем деле и отклоняет возражение Правительства.

151. Суд также отмечает, что с 3 октября 2003 г. до 25 марта 2004 г. заявитель содержался под стражей после осуждения судом первой инстанции, и его содержание под стражей в течение этого периода охватывалось статьёй 5 § 1 (а) Конвенции.

152. Таким образом, даже если предположить, что арест заявителя и изначальное содержание под стражей являлись длительной ситуацией, которая также охватывала период с 30 июня до 22 августа 2003 г., соответствующие жалобы в любом случае должны были быть поданы не позже чем через шесть месяцев после изначального осуждения заявителя на суде первой инстанции 3 октября 2003 г. Соответственно, учитывая, что заявление было подано в Суд 14 сентября 2004 г., Суд отклоняет эти жалобы, как поданные по истечению крайнего срока, в соответствии со статьёй 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

153. Что касается жалобы заявителя о незаконности его содержания под стражей с 25 марта 2004 г. до 18 марта 2005 г., Суд считает, что она не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, и поэтому должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

154. Заявитель настаивал на своей жалобе.

155. Правительство утверждало, что содержание заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода соответствовало применимому национальному праву и было основано на актуальных судебных решениях.

156. Суд подчёркивает, что статья 5 § 1 Конвенции предусматривает, что для того, чтобы лишение свободы не считалось произвольным, недостаточно, чтобы эта мера исполнялась в соответствии с национальным правом; она должна быть необходимой в текущих обстоятельствах (см. *Nešťák v. Slovakia*, № 65559/01, § 74, 27 февраля 2007). С точки зрения Суда, лишение свободы согласно статье 5 § 1 (с) должно воплощать требование пропорциональности, которое подразумевает обоснованное решение, уравнивающее соответствующие аргументы за и против освобождения (см. *Khayredinov v. Ukraine*, № 38717/04, § 86, 14 октября 2010).

157. Оправдание любого периода содержания под стражей, независимо от его продолжительности, должно быть убедительно продемонстрированным властями (см. *Belchev v. Bulgaria*, № 39270/98, § 82, 8 апреля 2004, и *Castravet v. Moldova*, № 23393/05, § 33, 13 марта 2007).

158. Суд отмечает, что после того, как изначальное осуждение заявителя было отменено и дело было направлено на повторное слушание, о содержании заявителя под стражей было указано национальными судами в трёх случаях, а именно Верховным Судом 25 марта 2004 г. и Апелляционным Судом 21 апреля 2004 г. и 18 февраля 2005 г., соответственно (для дальнейших подробностей см. пункты 27, 29 и 31 выше).

159. Не оценивая обоснования, представленные судами для оправдания задержания заявителя, Суд отмечает, что лишение свободы было назначено на неограниченный период времени, что само по себе противоречит требованию законности, закреплённому в статье 5 Конвенции (см., например, *Solovey and Zozulya v. Ukraine*, № 40774/02 и 4048/03, § 59, 27 ноября 2008, и *Doronin v. Ukraine*, № 16505/02, § 59, 19 февраля 2009). Кроме того, Суд пришёл к выводу, что это было повторяющейся проблемой в прецедентном праве в отношении Украины, исходящей из пробелов в законодательстве (см. *Kharchenko*, цит. выше, § 98, и *Kondratyev v. Ukraine*, № 5203/09, §§ 109-112, 15 декабря 2011 г.).

160. Соответственно, имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в этом отношении.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

161. В своём письме от 2 сентября 2005 г. заявитель пожаловался Суду, что 25 марта и 21 апреля 2004 г. он подал просьбы об освобождении в национальные суды, но они были отклонены без какого-либо объяснения.

162. Жалоба попадает в сферу охвата статьи 5 § 4 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.”

163. Опираясь на дело *Osypenko v. Ukraine* (№ 4634/04, 9 ноября 2010), Правительство утверждало, что эта жалоба должна быть отклонена, как поданная больше чем через шесть месяцев после того, как упомянутые просьбы были окончательно отклонены в национальном законодательстве.

164. Суд отмечает, что из материалов дела следует, что просьбы об освобождении, на которые ссылался заявитель, рассматривались национальными судами в соответствующие дни подачи каждой просьбы – то есть, 25 марта и 21 апреля 2004 г. Поэтому Суд принимает возражение Правительства и признаёт, что заявитель не выполнил правило шести месяцев в отношении этой жалобы (см. *Hristov v. Bulgaria* (реш.), № 35436/97, 19 сентября 2000, и *Mello v. Slovakia* (реш.), № 67030/01, 21 июня 2005).

165. Отсюда следует, что эта часть заявления должна быть отклонена как неприемлемая, в соответствии со статьёй 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

166. Заявитель жаловался на различные нарушения статьи 6 Конвенции, соответствующие части которой гласят:

“1. Каждый в случае ... предъявления ему любого уголовного обвинения, имеет дело на справедливое ... разбирательство ... судом ...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: ...

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; ...”

А. Предполагаемое нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 (b)

167. Заявитель утверждал, что ему не обеспечили доступ ко всем материалам его дела или к «материальным доказательствам» при подготовке его обращения в Верховный Суд в отношении его осуждения 18 марта 2005 г.

168. Правительство оспорило это утверждение, и утверждало, что заявитель изучил все девять томов материалов своего дела и прослушал аудиозаписи слушаний. В поддержку своего утверждения Правительство предоставило копии соответствующих документов, на всех из которых есть подписи заявителя и его адвоката. Кроме того, Правительство отметило, что не было никаких доказательств, что предполагаемая неспособность заявителя получить полный доступ к материалам дела в целом повлияла на эффективность представления заявителя.

169. В своём ответе на замечания Правительства заявитель утверждал, что доказательства Правительства были подделаны, и что

не существовали доказательства того, что он изучал тома 1-5 материалов дела. Он также отметил, что прослушал только аудиозаписи собственных комментариев к записям суда, но не сами записи суда.

170. Суд отмечает, на основании документальных доказательств в его распоряжении, что заявитель изучил все девять томов материалов дела до слушания в Верховном Суде. Ссылки на их содержимое можно также найти в ряде утверждений заявителя в национальных судах, включая кассационное обращение заявителя. В той мере, в какой можно понять, что заявитель жаловался на существование других материалов, которые были специально скрыты от него, он не уточнил, какие дополнительные материалы – кроме тех, с которыми он ознакомился – по его мнению, были добавлены к материалам дела, и какие из них он должен был изучить. Кроме того, он не уточнил, зачем ему нужно было повторно изучать те тома материалов дела, которые он изучил до суда. Аналогично, заявитель не уточнил, к каким «материальным доказательствам» ему не обеспечили доступ и как это ограничило его возможность выдвигать аргументы в свою защиту в Верховном Суде. Наконец, Суд отмечает, что жалобы заявителя были тщательно рассмотрены Верховным Судом во время разбирательств по апелляции и были отклонены как необоснованные, с приведением убедительных причин.

171. Отсюда следует, что эта жалоба является отчётливо необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьёй 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

В. Предполагаемое нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 (с)

1. Доводы сторон

172. Заявитель жаловался, что его право на справедливый судебный процесс было нарушено, так как у него не было законного представителя на начальной стадии следствия, и признательные показания, которые он дал в отсутствие адвоката, были использованы национальными судами для обеспечения его осуждения.

173. Он также жаловался, что нанятые адвокаты и адвокаты из системы юридической помощи не обеспечили его эффективное законное представление в ходе разбирательств. Он отметил, в частности, что г-жа К., адвокат, нанятый женой заявителя, вела себя пассивно и ни разу не появилась в суде, и что его представление тремя адвокатами из системы юридической помощи было номинальным, так как они «ни разу не появились на слушаниях и не пытались проконсультировать его во время слушаний или в Киевском СИЗО».

174. Наконец, заявитель жаловался, что его жена, будучи допущенной к разбирательствам в качестве его общественного защитника, не могла эффективно осуществлять свои функции, так как ей не предоставили разрешение навестить заявителя в Киевском СИЗО 14 февраля, 3 марта и 7 июня 2005 г., ей не обеспечили доступ к материалам дела и не дали возможность представить её аргументы на слушаниях в Верховном Суде Украины 26 июля 2005.

175. Правительство утверждало, что заявитель добровольно решил признаться 1 февраля 2003 г. и выразил своё желание встретиться с адвокатом до первого допроса. Первый допрос произошёл 3 февраля 2003 г. в присутствии адвоката, нанятого женой заявителя, и до этой даты не осуществлялись какие-либо следственные мероприятия. Во время первого допроса и всех последующих следственных мероприятий, которые осуществлялись с участием его адвоката, заявитель настаивал на той же версии событий и признавал свою вину в отношении двойного убийства.

176. Правительство также утверждало, что заявитель не жаловался на изначальное ограничение его права на защиту и не отзывал своё изначальное признание в суде. Его утверждения о принуждении со стороны полиции, которые были сделаны впервые после необъяснимой задержки, были должным образом рассмотрены национальными судами и отклонены как необоснованные. Аналогично, нарушение прав заявителя на защиту не было выявлено.

177. Наконец, Правительство утверждало, что существовали веские доказательства вины заявителя, помимо его изначального признания.

178. Что касается предполагаемой неспособности жены заявителя встретиться с ним в Киевском СИЗО 14 февраля и 10 марта 2005 г., Правительство утверждало, что эта жалоба была подана по истечению шестимесячного срока, предусмотренного статьёй 35 § 1 Конвенции, учитывая, что она впервые была изложена в письме заявителя от 4 октября 2005 г. Оно также утверждало, что жалоба, в любом случае, была отчётливо необоснованной, так как заявитель не представил доказательств, что его жена потребовала (и получила отказ) встретиться с ним в приведенные дни. Правительство утверждало, что жене заявителя предоставили разрешение встретиться с ним в обычном порядке после того, как она попросила об этом. Оно представило ряд копий её просьб, а также просьб других родственников, все из которых были удовлетворены властями. Наконец, Правительство утверждало, что заявитель не обосновал, на национальном уровне и в Суде, как предполагаемая неспособность его жены встретиться с ним в вышеуказанные дни повлияла на его право на защиту и на справедливость судебного процесса в целом.

179. Что касается жалобы заявителя в отношении его предполагаемо неэффективного законного представления адвокатами,

Правительство утверждало, что на досудебной стадии разбирательств заявителя представлял адвокат, нанятый его женой, и что нет никаких доказательств того, что заявитель когда-либо выражал своё недовольство качеством оказываемых услуг.

2. Оценка Суда

(а) Приемлемость

180. В той степени, в какой заявитель утверждает, что его нанятый адвокат, г-жа К., и три других адвоката, назначенных государством, были неэффективными, Суд отмечает, что эта жалоба выражена в довольно общих чертах. Заявитель не представил какие-либо подробности в отношении того, сколько адвокатов в целом представляли его в ходе разбирательств, в какие периоды, какие были причины смены адвокатов, и были ли они наняты в частном порядке или назначены государством; что самое важное, он не представил какие-либо обоснованные примеры выраженной халатности с их стороны. Суд, на основании представленных ему материалов дела, не находит какие-либо доказательства, которые поддерживали бы утверждения заявителя.

181. Что касается предполагаемых препятствий, с которыми столкнулась жена заявителя в качестве его общественного защитника, Суд напоминает, что возможность представления родственниками, представленная уголовно-процессуальным правом, дополняет право на защиту и не может привлекать защиту статьи 6 § 3 (с) Конвенции (см. *Shabelnik v. Ukraine*, № 16404/03, § 39, 19 февраля 2009). Суд напоминает, что заявителя представляли профессиональные адвокаты (включая адвокатов, которых он сам выбирал) во время разбирательств, и что он не обосновал свои утверждения об их недобросовестности.

182. В свете приведенных выше соображений Суд отклоняет те жалобы заявителя, которые касаются предполагаемой неэффективности его представления в уголовных разбирательствах в отношении него. Однако Суд также отмечает, что жалоба заявителя в отношении ограничения его права на правовую помощь на ранней стадии не является отчётливо необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что эта жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, и поэтому должна быть объявлена приемлемой.

(b) Существо дела

183. Справедливость уголовных разбирательств согласно статье 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, подозреваемому предоставлялся доступ к правовой помощи с момента его попадания

под стражу в полиции или досудебного задержания. В соответствии с общепризнанными международными нормами, признанными Судом, которые формируют основу его прецедентного права, обвиняемое лицо имеет право, сразу после попадания под стражу, на помощь адвоката, и не только во время допроса (см. *Dayanyan v. Turkey*, № 7377/03, §§ 31-33, 13 октября 2009, с дальнейшими ссылками). Даже в случаях, когда убедительные причины могут исключительно оправдать отказ в доступе к адвокату, такое ограничение – каким бы ни было его оправдание – не должно чрезмерно ущемлять права обвиняемого в соответствии со статьёй 6. Права на защиту, в принципе, будут необратимо нарушены, если инкриминирующие показания, данные во время допроса со стороны полиции без доступа к адвокату, будут использованы для осуждения. Соответственно, проверка для оценки того, соответствовало ли ограничение доступа к адвокату праву на справедливый судебный процесс, состоит из двух этапов. На первом этапе Суд должен оценить, имелись ли убедительные причины для ограничения. На втором этапе он должен оценить ущерб, причинённый правам на защиту ограничением в рассматриваемом деле (см. *Ibrahim and Others v. the United Kingdom* [GC], № 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09, §§ 256 и 257, 13 сентября 2016). Если не имелись убедительные причины для ограничения доступа к правовой помощи, Суд должен очень тщательно проконтролировать оценку справедливости. Ответственность за убедительную демонстрацию того, почему, исключительно и в конкретных обстоятельствах дела, общая справедливость суда не была необратимо нарушена ограничением доступа к правовой помощи, будет возложена на Правительство (там же, § 265).

184. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что стороны не сошлись во мнениях относительно даты задержания и признания заявителя. Суд отмечает в этом отношении, что вопреки утверждениям Правительства, решения, согласно которым заявитель был осуждён, относятся к 30 января 2003 г., как к дате задержания заявителя в Харькове. В любом случае нет необходимости решать этот фактический спор по следующим причинам.

185. Стороны не оспорили тот факт, что при задержании – какая бы дата ни была правильной – заявитель был официально обвинён в совершении двойного убийства и что его правовое представление, таким образом, было обязательным в соответствии с национальным правом (см. пункт 73 выше). Аналогично, стороны не оспорили, что заявитель написал свою явку с повинной после того, как находился под стражей в течение как минимум одного дня.

186. Факты дела также демонстрируют, что 1 февраля 2003 г., до того, как арест заявителя был официально зарегистрирован, заявитель был письменно проинформирован о своих правах на защиту и выразил

желание проконсультироваться с адвокатом до первого допроса (см. пункт 12 выше). Стороны не оспорили тот факт, что заявитель не отказался от своего права на правовое представление. Однако, в тот же день, согласно Правительству, в присутствии сотрудника полиции и в отсутствие адвоката, он признался в двойном убийстве, в котором его обвиняли, и его признание было принято в качестве доказательства властями.

187. В то время, как Суд не может на основании документов в его распоряжении решить, сделал ли заявитель эти утверждения добровольно или под давлением со стороны властей, ничто не указывает, что заявителю предлагали какую-либо правовую помощь до 3 февраля 2003 г., когда адвокат от защиты, нанятый женой заявителя, был допущен к разбирательствам. В отношении фактов Суд не видит никаких убедительных причин ограничивать право заявителя на адвоката до этой даты.

188. Суд также отмечает, что ограничение ущемило права заявителя на защиту, так как при определении вины заявителя по обвинениям в убийстве национальный суд опирался на признание, которое заявитель сделал на начальной стадии следствия в отсутствие адвоката. Не смотря на существование других доказательств в отношении заявителя, Суд не может проигнорировать значительное возможное воздействие его изначального признания на дальнейшее развитие уголовного разбирательства в его отношении и тот факт, что оно явственно сыграло важную роль в решениях национальных судов (см. *Leonid Lazarenko v. Ukraine*, № 22313/04, § 57, 28 октября 2010 г., и *Ibrahim and Others*, цит. выше, §§ 308 - 311).

189. В свете имеющихся соображений Суд признаёт, что имело место нарушение статьи 6 § 3 (с), в сочетании со статьёй 6 § 1 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

190. Заявитель жаловался, что выдача прокурором информации о его уголовном деле и видеозаписи реконструкции места преступления телеканалу нарушила его право на уважение к его личной жизни, гарантируемое статьёй 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый имеет право на уважение к его личной и семейной жизни ...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.”

191. Правительство утверждало, что жалоба заявителя была необоснованной, так как он не представил каких-либо доказательств того, что указанное вмешательство имело место. Правительство утверждало, в частности, что заявитель не представил ни запись соответствующей телевизионной передачи, ни подробности о её содержании, и не уточнил, какой элемент его частной жизни был нарушен. Кроме того, Правительство заявило, что несмотря на все усилия оно не смогло получить видеозапись или стенограмму соответствующей передачи, в частности, из-за того, что установленный национальным правом двухнедельный срок хранения записей выпущенных в эфир передач давно истёк ко времени подачи заявления. Поэтому Правительство утверждало, что не было фактического основания для признания нарушения Конвенции.

192. Как видно из ответов прокурора заявителю, власти предоставили определённую информацию, касающуюся дела, телевизионному каналу. Однако остаётся неизвестным, какую информацию раскрыли каналу. Заявитель не подкрепил свои утверждения надлежащими доказательствами, не предоставив ни запись, ни стенограмму передачи, о которой говорил. Он также не объяснил, почему ни он, ни его адвокат или общественный защитник не попытались записать передачу, или связаться с соответствующими СМИ вовремя после выхода передачи в эфир для обеспечения записи или стенограммы, хотя он утверждал, что соответствующая телепередача регулярно транслировалась в течение всего 2003 г. (см., с учётом соответствующих изменений, *Yuriy Shevchenko v. Ukraine* (реш.), № 24753/06, 10 мая 2016).

193. В этих обстоятельствах Суд отклоняет эту жалобу как явно необоснованную, согласно статье 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

VIII. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

194. В дополнение к вышеперечисленным жалобам, в своём формуляре заявления и сопутствующей корреспонденции, заявитель также жаловался согласно статье 2 Конвенции, что его состояние здоровья не соответствовало его содержанию под стражей; в соответствии со статьёй 3, что его брата пытал полиция; что с ним обращались, как с осуждённым, до того, как осуждение вступило в силу; что его приводили на судебные слушания несмотря на то, что он был болен; согласно статье 5, что его брата незаконно задержала полиция; согласно статье 6, что (а) суды неправильно истолковали доказательства в его деле, подделали документы и не призвали всех свидетелей против него по его просьбе; (b) судьи Апелляционного Суда вымогали деньги у его семьи; (c) его просьба о возобновлении разбирательств была отклонена; (d) его жалобы в отношении

прокуроров и судей, а также сотрудников Киевского СИЗО были отклонены; (е) Конституционный Суд незаконно отклонил его просьбу о толковании определённых правовых положений; (ф) презумпция невиновности была нарушена, так как с ним обращались, как с виновным, до того, как его вина была установлена судами, и из-за раскрытия информации о его деле в СМИ; (г) у него не было возможности встретиться с женой в определённые дни или поговорить со своим адвокатом конфиденциально во время слушаний; согласно статье 7, что (а) его уголовное преследование было беспочвенным и (б) у него не было перспектив освобождения в соответствии с национальным законодательством; согласно статье 8, что (а) его детям не позволили навестить его во время содержания под стражей; (б) его перевели в тюрьму, расположенную далеко от его дома; (с) его семья была лишена кормильца из-за его несправедливого осуждения. Наконец, заявитель ссылался на статьи 1, 14, 17 и 34 Конвенции, а также на статью 2 Протокола № 7 и статью 1 Протокола № 12 к Конвенции, в отношении фактов настоящего дела.

195. Принимая во внимание факты настоящего дела, доводы сторон и вышеизложенные выводы согласно статье 3, статье 5 § 1 и статье 6 § 3 (с) в сочетании со статьёй 6 § 1 Конвенции, Суд считает, что главные правовые вопросы в настоящих заявлениях были определены. Поэтому он постановляет, что нет отдельной необходимости издавать особое постановление в отношении оставшихся жалоб (см., среди прочих, *Varnava and Others*, цит. выше, §§ 210 - 211, и *Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania* [GC], № 47848/08, § 156, ECHR 2014, с дальнейшими ссылками).

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

196. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Компенсация вреда

197. Заявитель потребовал выплатить ему 100,000 евро (EUR) в качестве компенсации нематериального вреда, причинённого предполагаемыми нарушениями его прав.

198. Правительство утверждало, что так как права заявителя не были нарушены, его требование должно быть отклонено. В любом

случае Правительство утверждало, что требование заявителя было чрезмерным и необоснованным.

199. Суд отмечает, что он признал нарушения статей 3, 5 § 1, и 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции в настоящем деле. Что касается нарушения последнего положения, Суд не может размышлять об исходе дела в отношении заявителя. Признание нарушения статьи 6 § 3 (с) в настоящем деле не подразумевает, что заявитель был неправомерно осуждён. Вынося решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю EUR 10,000 в качестве компенсации нематериального вреда.

В. Компенсация расходов и издержек

200. Заявитель потребовал выплатить ему EUR 850 в отношении его правового представления в Суде. Он не представил какие-либо документы в поддержку своего требования.

201. Правительство не сделало замечаний в отношении вышеупомянутого требования.

202. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на компенсацию расходов и издержек только в той мере, в какой было доказано, что они действительно были понесены и были разумными по объёму. В настоящем деле, принимая во внимание документы в своём распоряжении и вышеуказанные критерии, и учитывая, что представителю заявителя уже выплатили EUR 850 согласно системе юридической помощи Суда, Суд отклоняет требование заявителя.

С. Пеня

203. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, с добавлением трёх процентных пунктов.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД, ЕДИНОГЛАСНО,

1. *Провозглашает* жалобы в отношении условий содержания заявителя в Киевском СИЗО и тюрьме № 47, условий его содержания под стражей в дни суда, включая его размещение в металлической клетке в зале суда, и во время его транспортировки на судебные слушания и обратно, законности задержания заявителя с 25 марта 2004 г. до 18 марта 2005 г. и изначального ограничения его прав на защиту приемлемыми, и остальную часть переданных жалоб неприемлемой;

2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания заявителя в Киевском СИЗО и тюрьме № 47;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания заявителя под стражей в дни суда, включая помещение его в металлическую клетку в зале суда, и в отношении условий его перевозки на судебные слушания и обратно;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в отношении задержания заявителя с 25 марта 2004 г. до 18 марта 2005 г.;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 6 § 3 (с), в сочетании со статьёй 6 § 1, Конвенции в отношении ограничения на ранней стадии права заявителя на юридическую помощь;
6. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать приемлемость и существо дела остальных жалоб;
7. *Постановляет*
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трёх месяцев, EUR 10,000 (десять тысяч евро) в качестве компенсации нематериального вреда, конвертированные в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты, плюс любой налог, который может быть взыскан;
 - (б) что с момента истечения вышеупомянутых трёх месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период с добавлением трёх процентных пунктов;
8. *Отклоняет* остальную часть требований заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и провозглашено в письменном виде 2 февраля 2017 г., в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Анна-Мари Дужен
Исполняющий обязанности заместителя секретаря

Фарис Вехабович
Председатель

Перевод Харьковской правозащитной группы.